

ВНЕБРАЧНЫЙ РЕБЕНОК

Майнц, 1330—1347

1

Когда Рахиль вышла из дома семейства фон Метц, на нее стеной обрушился ливень. Она устало и равнодушно набросила на голову капюшон шерстяного плаща, понимая, однако, что это очень ненадежная защита от потоков воды, заливавшей в тот осенний вечер еврейский квартал города Майнца. Рахиль сделала первый неуверенный шаг, мгновенно погрузившись в сырость и темноту, и с тоской подумала о теплых, освещенных огнем камина покоех роженицы, которые она только что покинула. Но сегодня ей не суждено было провести тихий вечер в сухом помещении одного из лучших бюргерских домов города. Не успела она выкупать новорожденного Иезекиля и уложить его в колыбельку, как в дом семьи Метц робко вошла промокшая до нитки помощница кухарки.

— Повитуха еще здесь? Это срочно, моей хозяйке очень больно! Мы с хозяином, и кухарка тоже, боимся, что хозяйка умрет. Правда, мавританка говорит, что нет, не умрет, но она вечно из себя всезнайку строит... — Слова с такой скоростью срывались у девушки с языка, что она не успевала делать вдох и оттого хватала ртом воздух.

— Помедленнее. — Юдифь, кормилица, протянула вновь пришедшей полотенец, чтобы та вытерлась. Девушка, похоже, выскочила из дома совершенно неожиданно и не захватила с собой ничего, чем могла бы укрыться от дождя. Чепчик, словно промокший птенец, грустно сидел на ее кудрявых

каштановых волосах. — Так быстро никто не умирает. Успокойся и расскажи нам еще раз, что стряслось. И вообще, кто тебя сюда прислал?

Но Рахиль уже все поняла. Как только девушка произнесла слово «мавританка», стало ясно: серьезно заболела Сара фон Шпейер. В конце концов, во всем Майнце только у одной еврейской семьи в прислугах ходила арапка: Вениамин бен Иуда фон Шпейер, торговавший с дальними странами, в прошлом году привез из Испании рабыню-мавританку — данной сделке предшествовал грандиозный скандал в городе-резиденции епископа. Подробностей скандала Рахиль так и не узнала, но мавританка по имени Аль-Шифа, очевидно, едва не угодила на костер инквизиции. С тех пор она выполняла разную работу у Шпейеров и в результате заслужила глубокое уважение Рахиль, когда помогала Саре во время ее последних родов и проявила себя как чрезвычайно умелая повитуха. Сама же Рахиль тогда задержалась у другой роженицы и пришла как раз вовремя, чтобы понаблюдать за работой Аль-Шифы. Пока другие женщины в доме толпились вокруг задыхающегося младенца, беспомощно разводя руками, мавританка ловко убрала слизь из его горлышка, вдохнула в легкие воздух — и малыш наконец смог издать свой первый крик.

После этого случая Рахиль частенько задумывалась — а смогла бы она спасти младенца, пользуясь своими обычными средствами? Как бы там ни было, она безоговорочно доверяла решению Аль-Шифы. Безусловно, ее мнение касательно нынешнего состояния Сары Шпейер верное. Но даже если сейчас жизни госпожи Шпейер ничего не угрожает, этот вызов к роженице сулил Рахиль еще несколько часов тяжелого труда. Разумеется, она будет сидеть рядом с Сарой и всячески поддерживать ее — а значит, собственной постели ей сегодня не видать. И если дождь не утихнет, она к тому же промокнет до нитки, пока доберется до дома Шпейеров.

Идя по темной и холодной улице, Рахиль тяжело вздыхала. Она недолго думала, прежде чем выбрать более короткий,

хотя и более опасный путь к городскому дому Шпейеров, стоявшему на улице Шульштрассе. Ночью она предпочитала ходить по широким густонаселенным улицам, а не узким, извилистым улочкам района вокруг синагоги. Между маленькими лавочками и жилыми домами, где обитали не только иудейские семьи, но и несколько бедных христианских семей, укрылась парочка трактиров, которые пользовались дурной славой. Здесь часто собирались настоящие отбросы общества. Возможно, городская стража следила бы за этими трактирами пристальнее, если бы они не были расположены в самом сердце еврейского квартала: стражу совершенно не заботила безопасность бюргеров иудейского происхождения. Если мужчина с полным кошельком денег или даже беззащитная женщина в неурочный час окажутся поблизости «Синих медведей» или «Золотой прялки»... ну что ж, сами виноваты!

Рахиль, которой из-за ее рода деятельности частенько приходилось выходить на улицу по ночам, снова и снова задавалась вопросом: почему еврейский квартал Майнца ничем не огорожен, в отличие от большинства других городов? Иногда ей хотелось окружить себя защитными стенами, хотя, конечно, она знала: когда в город приходит беда, людям ее веры укрыться все равно негде. Вспыхнет ли эпидемия, пожар, придет ли особенно сильный неурожай — во всех своих бедах жители города охотно обвиняли иудеев. И если толпа христиан врывается в иудейское гетто, стены уже не давали защиту, а, наоборот, становились помехой, поскольку делали побег, а значит, и спасение жизни невозможным.

Рахиль внутренне сжалась, готовая вдохнуть зловонную смесь запахов дешевого пива и свиного жаркого, которые в это время, как правило, вылетали из «Золотой прялки», оскорбляя обоняние оказавшихся неподалеку верующих. По крайней мере, в такую холодную и сырую ночь вокруг таверны не должно быть слишком много народа. Даже светловолосые бродяги, которые обычно шлялись в этом районе, сейчас забились в самые темные углы убогих пивнушек. Но

Рахиль все равно оставила свои заработанные деньги в доме Метцев, на всякий случай. Ни за свою жизнь, ни за свою честь она особенно не боялась. В конце концов, она уже немолода, да и красавицей никогда не была. А плоть в районе «Золотой прялки» стоила дешево! Трактирщик продавал молодых девок за бесценок; вдобавок ко всему возле трактира частенько бродили отчаявшиеся юницы, пытаясь на свой страх и риск заработать хоть пару медных монет.

По правде сказать, переулки перед таверной в ту ночь были пустынные, хотя внутри толпились посетители, слышались грубые песнопения и стук кружек. Рахиль вздрогнула, брезгливо закуталась в плащ и попыталась побыстрее миновать неприятное место. Однако ее чуткое ухо уловило женские крики, почти перекрываемые грохотом и шумом, доносившимися из таверны. Неужели кто-то напал на девушку? Повитуха заставила себя продолжить путь: даже если ее опасения верны, она все равно ничем не поможет бедняге. И Рахиль быстро пробормотала молитву.

Но когда она добралась до входа в таверну, крики усилились. Они раздавались не в самой таверне, а за ней, во дворе. Рахиль сжала в руке маленький нож, который всегда брала с собой, если ей предстояло проходить через эту часть квартала. Она была отважной женщиной, и даже угроза виселицы — в случае, если бы ей и правда пришлось отправить негодяя-христианина к его небесному судье, — не заставила бы ее сдаться без боя! К тому же она не могла бросить несчастную на произвол судьбы, даже не выяснив, что происходит. Может, это распутница кричит за работой? Но бедняжка вполне могла оказаться иудейкой! Для мужчин этот факт был бы лишь дополнительным искушением: во-первых, в таком случае жертва непременно окажется девственницей, а во-вторых, за осквернение *иудейки* городские стражи навряд ли призовут виновных к ответу. Конечно, на бумаге иудеи находились под защитой епископа, но к тому времени, когда жалоба дойдет до этого благородного господина, место преступления уже порастет мхом.

Рахиль смело вошла во двор за таверной. В одном углу двора находился туалет, а в другом — куча мусора, и вместе они источали ужасающую вонь. Бездомные кошки, лакомящиеся полусгнившими внутренностями, при появлении человека бросились наутек. Взгляд Рахиль метнулся в сторону конюшни, и она тут же поняла, что женские крики доносятся именно оттуда. Однако теперь они стали более слабыми, протяжными и жалобными, и Рахиль, будучи опытной повитухой, немедленно заподозрила, что несчастная вовсе не защищалась от напавших на нее мужчин. Если причиной ее криков и было изнасилование, то оно произошло девять месяцев назад.

Рахиль пошла в ту сторону, откуда доносились крики, прерываемые стонами и плачем, и вскоре услышала другие женские голоса:

— Сколько крови! Такого не должно быть, Аннхен, тут что-то не так... да и ребенок уже тоже должен был показаться. Она все тужится, тужится, но ничего не происходит!

— Да что ты понимаешь, Лене! Ты ж ни разу не рожала, из тебя детей выцарапывали, когда еще и живота почти видно не было! — Девушка говорила нарочито грубо, пытаясь скрыть свой страх.

Наконец Рахиль увидела говоривших: в дальнем углу пустой конюшни горела грязная масляная лампа, и в ее тусклом свете стояли две девушки, склонившиеся над третьей — хрупкой женщиной, которая, очевидно, как раз рожала и плакала от боли. Одна из встревоженных помощниц была высокой блондинкой, другая — пухленькой брюнеткой.

— Она умирает, Аннхен! — прошептала блондинка. — Боже, помилуй ее душу. Ну правда, неужели священник не может...

— Священник не придет в публичный дом, дурочка. — Теперь голос Анны звучал снисходительно. Похоже, она была более опытной распутницей, чем ее подруга Лене.

— Возможно, тут будет достаточно повитухи, — заметила Рахиль, почти до смерти напугав девушек. Они резко

обернулись и вздрогнули от ужаса, когда из темноты к ним внезапно вышла женщина, одетая в плотно запахнутый черный плащ и такой же платок.

— Смерть... — испуганно ахнула Лене. Но более храбрая Аннхен покачала головой:

— Что-то я не слышала, чтобы Мрачный Жнец присылал вместо себя жену, — усмехнулась она. — Нет, эту бабу я знаю. Это старая жидовка, она здесь часто шляется. И по ночам тоже... Кто знает, может, жида охотнее делают это со старыми кошелками...

Рахиль сердито откинула капюшон, обнажив чепчик, говоривший о том, что она почтенная матрона.

— Иудеи предпочитают проводить время со своими женами и плодиться, как велит им Всевышний! — строго произнесла она. — И когда Он благословляет их союз, ребенок обычно рождается не в хлеву, а в доме и на руках у такой старой кошелки, как я. А теперь пропусти-ка меня, шляха, я хочу посмотреть, смогу ли еще помочь твоей подруге!

Лене запричитала, что Рахиль, по ее мнению, произносит кощунственные речи о Христе, но Анна — очевидно, настроенная более приземленно, чем ее подруга, — поспешно отошла в сторону. Рахиль тоже совершенно не беспокоилась о мнении Лене, хотя рождение ребенка в конюшне действительно напомнило ей о рождении другого дитя — в яслях. Если и существуют люди, чья вера в христианского Бога еще слабее, так это, несомненно, распутницы. И эти девушки находились около конюшни уж точно не с одобрения хозяина. Он не потерпит беременных распутниц в своем заведении. Значит, Лене и Анна спрятали здесь подружку. И уж, конечно, их страх перед разоблачением был сильнее, чем религиозное рвение.

Рахиль поставила сумку в солому и бросила первый внимательный взгляд на молодую женщину, которая лежала на паре вонючих покрывал и тщетно пыталась выдавить из себя ребенка. У Рахили на мгновение перехватило дыхание, когда она увидела ее. Мокрое от слез лицо распухло, губы были

искусаны в попытках уменьшить боль, но тем не менее никому бы не составило особого труда догадаться, насколько ангельски красивой была эта девушка, когда зачинала злосчастного ребенка. С нежной кожей цвета слоновой кости и вьющимися золотисто-каштановыми волосами, с тонкими чертами, которые вполне могли послужить образцом для лица Мадонны, она разительно отличалась от Анны и Лене с их грубыми лицами. Длинные нежные пальцы вцепились в грубые покрывала, а изящное тело снова сжалось в очередном приступе боли.

— О Дева Мария! О святая Богородица! — воскликнула роженица. Значит, она все еще оставалась в сознании, хотя и не издала ни звука, пока Анна и Лене ужасались потоку крови, появившемуся у несчастной между ног — вместо головки младенца. Рахиль быстро осмотрела несчастную.

— Раньше надо было брать пример с твоей Богородицы, — проворчала она. — С девственницами такое случается редко...

Роженица всхлипнула, когда схватки стихли, а затем, похоже, собрала последние остатки сил и очень четко произнесла, обращаясь к Рахили:

— Мой ребенок не убудок! — Она, казалось, хотела что-то добавить, но в этот момент у нее опять начались схватки. Теперь они быстро следовали одна за другой, но младенец никак не хотел показываться. Рахиль давно поняла, в чем тут дело.

— Ребенок лежит неправильно, — сказала она девушкам и будущей молодой матери — если та еще была в состоянии понимать человеческую речь. После очередной схватки она только стонала. — Посмотрим, смогу ли я повернуть его. Но для матери уже поздно: она очень ослабела. К тому же у нее что-то порвалось внутри, она теряет слишком много крови. Как ее зовут? Как тебя зовут, девочка?

Рахиль повернулась к роженице и выжидающе посмотрела на нее, но после непродолжительного молчания ей ответила Анна:

— Ее зовут Беатрикс. Но мы не знаем, откуда она. Она появилась здесь несколько месяцев назад вместе со своим

любовником. Парня вскоре убили. Рыжий Ганс завербовал его в свою банду — они нападали на людей и отнимали у них кошельки. Но парень оказался слишком глуп для таких дел. Его вздернули на городской площади.

— Всего-навсего из-за украденного кошелька? — изумленно спросила Рахиль, ощупывая живот Беатрикс. Она пыталась найти место, где можно было бы ухватить ребенка и повернуть его так, чтобы он принял правильное положение. Этот прием срабатывал не всегда, но в отношении хрупкой, худенькой девушки Рахиль была настроена оптимистично. Положение ребенка легко угадывалось даже при поверхностном осмотре. Ах, если бы Рахиль пришла сюда двумя часами ранее...

— Нет, не только из-за кошелька, — ответила Анна. — Рыжий Ганс перед тем зарезал одного типа. Наверное, парень Беатрикс ничего не понял. Может, крови не было видно... Когда пришла стража, разбойники разбежались в разные стороны. Остался только он. Парень стоял как столб и тарашился на труп, сжимая окровавленный нож, который Рыжий Ганс сунул ему в руку. Он, конечно, все отрицал, но что толку? — Анна с сожалением пожала плечами.

Беатрикс застонала — у нее опять начались схватки. Внезапно она обмякла, как будто окончательно впав в беспамятство. Она потеряла слишком много крови. Рахиль больше не верила, что сумеет спасти роженицу. Но ребенок внезапно повернулся, приняв правильное положение. Рахиль выпрямилась и облегченно вздохнула, но уже в следующее мгновение ей пришлось снова опуститься на колени рядом с роженицей и принять ребенка. Головка, которая наконец появилась на белый свет, оказалась крошечной. Если бы у плода было правильное положение, роды прошли бы легко. Рахиль вздохнула. Неисповедимы пути Господни...

Она осторожно потянула к себе головку новорожденного и вытащила его по плечи. Затем наружу вытекли околоплодные воды, еще немного крови — и младенец появился на свет.

— Девочка, — сказала Рахиль.

— Она жива? — почти удивленно спросила Анна.

— Ну да! — Рахиль подняла сморщенное окровавленное дитя за ноги и энергично похлопала его по спине, вызвав громкий протестующий крик новорожденной. — Да вы и сами слышите!

Даже Беатрикс, погруженная в милосердное беспамяństwo, казалось, услышала плач. Она снова открыла глаза. Рахиль отметила про себя почти невозможный насыщенно-синий цвет и яркие искорки, вспыхнувшие в них, когда молодая мать узнала своего ребенка.

Беатрикс, похоже, хотела что-то сказать, но от слабости не смогла произнести ни слова. Ее руки неуклюже и резко дернулись, будто бы благословляя дитя. Затем ее голова склонилась набок. Молодая мать умерла.

Рахиль с сожалением закрыла глаза несчастной.

— Роды оказались слишком тяжелыми для нее, — тихо произнесла она. — Бедняжка...

Повитуха не стала уточнять, кого она имела в виду — новопреставленную мать или новорожденную дочь. Ей было жаль обеих. Что станет с маленькой девочкой, увидевшей свет в конюшне публичного дома? Если, конечно, можно было назвать светом то, что давала мутная масляная лампа. Рахиль достала из сумки пару тряпок и кое-как вытерла ребенка. Затем она обернула крошечное тельце в самый сухой платок, какой смогла найти у себя.

— Кто из вас позаботится о ребенке? — спросила она Анну и Лене, недоверчиво разглядывающих тело подруги. В конце концов, когда Беатрикс умерла, Лене перекрестилась. Анну же, похоже, больше беспокоили последствия ее поступка. Хозяин обнаружит умершую утром и непременно станет искать свидетельниц.

— Из нас? — в ужасе переспросила она. — Ты же не думаешь, что мы можем вырастить ребенка... здесь? Господи, да тогда я могла бы родить троих, только вот я не так глупа,

как она! Беатрикс спокойно могла бы избавиться от ребенка, вместо того чтобы рожать, — мы узнавали. Но нет, она решила рожать. Ну и черт с ней. Она получила то, что хотела. А девочка...

— Разве нельзя ее утопить? — предложила Лене. — Как котят топят? Мой старик всегда говорил, что они ничего не понимают. И если мы сначала покрестим ее, она отправится прямо на небеса.

— А ты попадешь в ад, потому что лишила христианина жизни! — сказала Анна и закатила глаза, услышав такую глупость. — Давай просто вынесем ее отсюда. И положим возле собора — туда никто не придет до самого утра. А к утру она все равно умрет.

— Жидовка могла бы и утопить ее, — заметила Лене. — Жидовке это раз плюнуть. А вот оставлять младенца у собора жестоко. Он же замерзнет насмерть!

Рахиль баюкала крошечную новорожденную, которая теперь тихонько плакала, словно понимая, о чем говорят распутницы. Ребенку нужны тепло и молоко, однако единственные люди, которым смогла довериться его мать, думали только о том, как побыстрее избавиться от него, не навредив при этом собственной душе.

— Я не для того помогла ей появиться на свет, чтобы теперь топить! — рявкнула Рахиль. — Ее мать сказала, что ребенок не ублюдок. Что она имела в виду? Может, у нее есть родственники?

Анна пожала плечами.

— Она сказала, что вышла за своего парня замуж. Мы ей не поверили. Но она пошла работать в бордель только тогда, когда ее парень уже болтался на виселице. Он еще даже остыть не успел... Но ничего не поделаешь, иначе ей пришлось бы выметаться из номера в таверне. Она бы не смогла и дальше платить за жилье, а наш герр Генрих не знает пощады. В любом случае она осталась одна, да еще и беременная. — Анна указала на девочку, которую держала Рахиль.

Рахиль вздохнула. Судя по всему, искать выход предстоит именно ей. Если она оставит младенца на милость Анны и Лене, он не доживет и до утра.

Тем временем Лене наклонилась над новорожденной девочкой и залюбовалась ее нежным личиком.

— Бедненькая, — пробормотала она и добавила, повернувшись к Рахиль: — Но ты должна забрать ее! Если мы оставим ее, то вылетим отсюда... Герр Генрих выставит нас за дверь, как только узнает, что мы спрятали Беа. И мы окажемся на улице вместе с убудком. Сильно ему это поможет? Да и молока у нас все равно нет.

С последним нельзя было не согласиться. Эти девушки вовсе не были жестокими. Жестокой была их жизнь. Теперь Рахиль уже не судила их так сурово, но сочувствием делу не поможешь.

После довольно продолжительной паузы она наконец решилась.

— Ладно, я заберу ее с собой, — сказала Рахиль. — Может, отдам ее в монастырь.

Впрочем, она не особенно надеялась на это. Ведь монашкам придется верить ей на слово, когда она поведаст грустную историю младенца. Повитуха-иудейка, которая помогла родиться христианскому ребенку, и где? В конюшне! Кто сможет предсказать, какими последствиями обернется для нее эта ситуация? Рахиль помогала только иудейкам; у христиан были собственные помощницы в родах, и те ревностно оберегали свой источник дохода. И, разумеется, никто из них не снизошел бы до помощи рожаящей публичной девке, независимо от вероисповедания последней. Но поскольку Рахиль уже все равно вмешалась, да еще и получила на руки труп роженицы... она не испытывала ни малейшего желания рассказывать кому-то о своем приключении, ведь, чего доброго, закончиться оно могло на костре инквизиции!

Когда Рахиль наконец повернулась, чтобы выйти из конюшни, Анна и Лене вздохнули, не скрывая облегчения. Дождь

все еще шел, и Рахили пришлось спрятать новорожденную под все свои шали и накидки, чтобы та не дай бог не простыла.

Из христианского квартала донесся крик ночной стражи. Пробыл одиннадцатый час. Рахиль охватило чувство вины: из-за помощи в родах Беатрикс она почти забыла о Саре фон Шпейер! Роженица и ее супруг уже, наверное, пребывают в нетерпении. Рахили лишь оставалось надеяться, что в этот раз роды у Сары окажутся не такими сложными, как тогда, когда она рожала Давида! И благословен будь Господь за то, что рядом с Сарой неотлучно находится Аль-Шифа!

2

Рахиль быстро шла вперед и вскоре добралась до солидного каменного дома на Шульштрассе, где обитал Вениамин Шпейер со своим семейством.

Двери на ее стук открыл сам хозяин дома — да так быстро, как будто он стоял у порога, ожидая прихода повитухи. Очевидно, он еще слишком хорошо помнил, как чуть не погиб его сын Давид, и не мог спокойно относиться к таким ситуациям. Наверное, он сидел в маленькой конторе, находившейся в передней части здания, и, погружившись в документы, пытался хоть как-то отвлечься от тревожных мыслей.

— Наконец-то вы пришли, госпожа Рахиль! — облегченно воскликнул он. Вениамин фон Шпейер был высоким мужчиной средних лет, который довольно поздно завел семью. Он занимался внешней торговлей и во время деловых поездок исколесил полмира. Он был глубоко предан своей молодой жене — это Рахиль заметила еще во время предыдущих визитов — и обожествлял обоих сыновей, Эзру и Давида. — Где вы так задержались? Я же послал за вами еще несколько часов назад!

Фон Шпейер провел Рахиль в дом, и дрожащая от волнения помощница кухарки — та самая, которая прибегала за Рахиль в дом другой роженицы, — подскочила к повитухе, чтобы забрать у нее платки и покрывала.

— Меня задержали, реб Шпейер, — с подчеркнутой почитательностью обратилась к нему Рахиль. — И в результате у меня на руках оказалось вот это.

Она развернула платок, в который была завернута новорожденная, и протянула девочку хозяину дома. Малышка расплакалась, поняв, что ее лишили тепла и защиты, которые ей давал шерстяной платок.

— Не будете ли вы так любезны распорядиться, чтобы бедняжке дали молока, согрели и перепеленали?

Вениамин фон Шпейер бросил на младенца взгляд, в котором смешались удивление и отвращение.

— Это же новорожденный! Вы его... нашли, госпожа Рахиль?

За его вежливыми словами Рахиль расслышала исполненный укоризны вопрос, хотя и не произнесенный вслух: «Именно из-за него вы заставили нас ждать?»

— В определенном смысле, да, — нетерпеливо ответила она. — У меня его кто-нибудь заберет наконец, чтобы я могла начать оказывать помощь вашей супруге?

— Но это христианский ребенок, не так ли? Или вы думаете, что... — Вениамин фон Шпейер принадлежал к кругу старшин иудейской общины. Перед его мысленным взором прошли все девушки на выданье. Нет, ни одна из них не могла быть беременной.

— Это христианский ребенок, но его нельзя считать незаконнорожденным — по крайней мере, мне так сказали, — ответила Рахиль. — Прежде всего, это просто ребенок, и он голоден. Да, кстати, это девочка. Вот, возьми ее, только гляди не урони! — Она сунула сверток прямо в руки маленькой помощнице кухарки и решительно направилась в комнату роженицы.

— Дай ее мне, — прозвучал тихий голос со странным певучим акцентом.

Аль-Шифа, мавританка, незаметно вышла из покоев своей госпожи. Находясь на втором этаже здания, она вряд ли могла слышать разговор Рахили и Вениамина... Впрочем, возможно,